

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РОССИЙСКОМ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМЕ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ РЕЖИМЕ В ГОСУДАРСТВЕ: ПРАВОВАЯ АКСИОЛОГИЯ И АВТОРСКИЙ ВЗГЛЯД

© 2017 г. Николай Михайлович Добрынин¹

*В работе рассматриваются аксиологические характеристики современного российского конституционализма как комплексного социокультурного явления, лежащего в основании правовой среды конституционного правления в государстве. Автор выделяет ряд характерных черт и факторов, определяющих облик современного российского конституционализма, подчеркивая, что серьезными препятствиями на пути дальнейшего правового развития страны являются внешние вызовы, деформация массового правосознания в российском обществе, чрезмерное бюрократичивание аппарата публичной власти. Отмечается, что диагностируемый сегодня в России конституционный кризис в значительной мере связан с существованием расхождения между нормами российской Конституции и реальными общественно-политическими процессами в стране. Ставится также вопрос об уникальности сложившегося в России политико-правового режима, его влиянию на траекторию развития гражданского общества, прав и свобод личности. Автор делает вывод о том, что изменение качества российского конституционализма сегодня не может быть само по себе связано с полномасштабной ревизией норм Основного Закона, а популярная у ряда политиков и ученых идея *tabula rasa* является несостоятельной. Напротив, формирование аксиологически насыщенного фона складывающегося в стране политико-правового режима должно основываться на нравственных основаниях и моральных устоях российского общества, которые способны стать источником возрождения доверия между личностью, обществом и властью, заложить надежный фундамент для полноценной реализации конституционных ценностей и послужить необходимым импульсом в целом для правовой модернизации России.*

The research contains the analysis of the axiological core of contemporary Russian constitutionalism as a complicated societal and cultural phenomenon providing for a fundamentals of the legal environment of constitutional governance in this country. Author highlights a number of specific features and factors which have a significant impact on the figure of contemporary Russian constitutionalism as well he also underlines that the most severe obstacles in the way to legal modernization of Russia are the global challenges, the distortion of the mass legal consciousness, and the excessive bureaucracy within the public authority's institutions. It is stated in the research that the currently visible constitutional system in Russia is connected with the existence of a gap between the formal constitutional provisions and the real societal and political practices in this country. Also the research arises the issue of whether contemporary Russian political and legal regime is unique or not, and of its impact on the curve of development of the civil society and human rights in Russia. Author makes the conclusion that all the needed improvements of contemporary Russian constitutionalism could not be reached merely by revising the 1993 Russian Constitution, and the popular idea of 'tabula rasa' being alleged by some politicians and scientists in Law is unsound. Contrarily, the process of formation of value-enriched fundamentals of the existing political and legal regime in Russia is to be founded on the basis of moral consciousness of Russian people which is able to be a source of revival of the trust between people and government, maintain a firm ground for a genuine realization of constitutional ideas and become a starting point for the legal modernization of Russia.

Ключевые слова: конституционализм, внешние вызовы, правовой нигилизм, законотворчество, правосознание, политико-правовая культура, менталитет, властные полномочия, гражданское общество, демократия.

Key words: constitutionalism, global challenges, nihilism in law, lawmaking, legal consciousness, political and legal culture, mentality, powers of authority, civil society, democracy.

Пролог

Появление в новейшей истории человечества конституций как основополагающих актов учредительно-государственного значения породило и столь многоаспектное, сложнейшее явление, как консти-

туционализм. В XX в. по мере накопления человечеством опыта конституционного строительства активизировались научные дискуссии о сущности конституционализма: предлагалось понимать под ним либо учение о содержании конституций как основных законов государств, либо определенный круг важнейших общественных отношений, заслуживающих закрепления в основном законе государства, а в дополнение к этому и в актах, имеющих общую конституционно-правовую направленность.

Соответственно, вместе с этим выработалось и такое понимание конституционализма, которым охватываются как ключевые общественные

¹ Профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (E-mail: belyavskaya@partner72.ru). Nikolay Dobrynin, professor of department the Constitutional and Municipal Law, Institute of state and law of Tyumen state University, Doctor of Law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation (E-mail: belyavskaya@partner72.ru).

отношения и их отражение в конституционных идеях, так и учение о наиболее рациональной структуре и содержании конституций.

И всё же, прежде чем рассматривать специфику современного российского конституционализма, необходимо определиться с содержанием данного понятия, отражающим современный этап представлений об этом сложнейшем феномене, особенно с учетом того, что в нашей стране период практической реализации демократической по своей сущности Конституции 1993 г. сравнительно непродолжителен, а научные воззрения в области теории права и конституционного права продолжают активно трансформироваться.

**О современном понимании
конституционализма в контексте
конституционных ценностей и метода
юридической аксиологии**

Под конституционализмом часто понимается политическая система, опирающаяся на конституцию, конституционные методы правления². На определенном историческом этапе (эпоха Нового времени и Просвещения) конституционализм связывался с идеей конституции, устанавливавшей ограничения государственной власти, что мыслилось как важнейшая гарантия соблюдения и сохранения системы свобод личности³.

Поэтому, по мнению некоторых авторов, под конституционализмом следует понимать правление, ограниченное конституцией. Согласно такому подходу идея конституционализма, включающая в себя представления о конституционном государстве, конституционном правлении и верховенстве права, исторически была прогрессивной так же, как и идея о буржуазной экономике и буржуазной демократии⁴.

Другие авторы предпочитают трактовать конституционализм как набор идей, отраженных в конституции и актах конституционного уровня⁵. Относительно содержания этих идей особых расхождений нет. Как правило, это — свободное общество; личность, обладающая широким набором прав и свобод; демократия; политическое свободомыслие и плюрализм; формируемые демократическим путем органы публичной власти; сочетание централизации

и децентрализации в управлении публичными делами; деятельность публичной власти на основе открытости, гласности и ответственности; создание экономических условий для жизни людей независимо от их материального положения. Данный перечень, конечно же, не является исчерпывающим.

На страницах многочисленной учебной и научной литературы сегодня возможно видеть довольно значительное разнообразие формулируемых авторами определений конституционализма.

Так, по мнению В. Т. Кабышева и Т. М. Пряхиной, конституционализм — это комплекс отражения системы правовых ценностей, провозглашенных в основном законе страны, и проблем, связанных с обеспечением их верховенства, реальности и приоритетности. С их точки зрения, основными ценностями конституционализма в современной России являются верховенство прав человека, демократия, разделение властей, верховенство права и федерализм⁶.

В дальнейшем В. Т. Кабышев сделал вывод о том, что конституционализм — это закрепленная в основном законе философия конституционного мировоззрения, системы правовых ценностей, обеспечения верховенства конституции, ее приоритетности и реальности управления в рамках конституции⁷.

Для Н. А. Богдановой “конституционализм — это система идей и взглядов, в которых воплощены представления о конституционном государстве, их конституционное оформление, а также политико-правовая практика реализации таких идей и закрепляющих их норм”⁸. На ее взгляд, основными признаками конституционного государства являются: верховенство права; свобода и достойное существование человека; исключение централизации власти в руках одного органа; народное представительство в реализации власти, в принятии решений и контроле за функционированием власти⁹.

Довольно нетривиальный подход к вопросу о понятии конституционализма сформулировал проф. Н. С. Бондарь, для которого *конституционализм в любой форме его проявления — как*

² См.: *Словарь иностранных слов*. М., 1984. С. 247.

³ См.: *Кравец И. А.* Формирование российского конституционализма: проблемы теории и практики. М.; Новосибирск, 2001. С. 8.

⁴ См.: *Мишин А. А.* Государственное право буржуазных и развивающихся стран. М., 1989. С. 67.

⁵ См.: *Авакьян С. А.* Конституционализм и бюрократизация власти // *Вестник МГУ. Сер. 11 “Право”*. 2014. № 1. С. 61.

⁶ См.: *Кабышев В. Т., Пряхина Т. М.* Теоретические проблемы российского конституционализма // *Вестник СГАП*. 1995. № 2. С. 32.

⁷ См.: *Кабышев В. Т.* Конституционализм в советской России // *Государство и право на рубеже веков. Конституционное и административное право. Материалы Всеросс. конф.* М., 2000. С. 11.

⁸ *Богданова Н. А.* Категория “конституционализм” в науке конституционного права // *Российский конституционализм: проблемы и решения. Материалы Междунар. конф.* М., 1999. С. 137.

⁹ См.: там же. С. 135–138.

политико-правовая (конституционная) идеология, юридическое мировоззрение, политическая и правовая практика — воплощает в себе показатели достигнутого в обществе компромисса между властью и свободой, интересами общества и личности, государства и гражданина. Сами же институты прав и свобод человека и гражданина (без преувеличения) являются визитной карточкой современного конституционализма¹⁰.

По мнению акад. В. С. Нерсесянца, конституционализм — это идеология уважения, соблюдения и защиты конституции; он является общегосударственной, надпартийной идеологией любого правового государства¹¹.

И. М. Степанов считает, что конституционализм следует рассматривать в широком и узком аспектах. В узком смысле он понимается как система знания о фундаментальных ценностях демократии: их составе, формах выражения, методах и степени реализации, система представлений об общедемократических, общецивилизационных политико-правовых ценностях государственно организованного общества. В широком смысле данное понятие охватывает теорию конституции, историю и практику развития страны¹².

Его мнение разделяет проф. С. А. Авакьян, однако с некоторой оговоркой: «Указанные общие ценности следует трактовать как набор нужных, желательных в любой стране. Однако нельзя их рассматривать как некую аксиоматическую заданность и соизмерять с нею то, что имеет место в конкретном государстве. В этом случае анализ реальности, в том числе достижений соответствующего общества, невольно подменяется формальными критериями: есть все из набора — значит, государство может похвалиться наличием конституционализма, чего-то недостает — значит, до “подлинного” конституционализма еще путь не пройден»¹³.

Кроме того, С. А. Авакьян рассматривает конституционализм как сложную общественно-политическую модель, элементы которой позволяют привлечь общество светлыми идеями, сделать их содержанием конкретного основного закона,

превратить в конституционно-правовые институты, жить при соответствующем им режиме и защищать ценности конституционной демократии. Конституционализм — это идеал, к которому должно стремиться общество, идущее к социальному прогрессу¹⁴.

Академик О. Е. Кутафин указывал на то, что конституционализм обладает двумя смыслами: с одной стороны, это — доктрина, связанная со свойственной природе человека представлением о справедливом и демократическом государстве, а с другой — государственный строй, созданный в соответствии с данным учением¹⁵.

Весьма полезно, на наш взгляд, сравнить все приведенные точки зрения и увидеть то общее, что в них выражено.

Во-первых, практически все исследователи в целом единодушны в том, что конституционализм — это некий идеал, мировоззрение или идеология, которую можно воплотить только путем провозглашения в конституции системы правовых ценностей и ее реализации.

Отсюда конституционализм — это не что иное, как идеология правового, социального, демократического государства, где властвуют право, социальная справедливость, где государство не только признает человека, его достоинство, основные права и свободы высшей ценностью, но и несет ответственность за их реализацию путем установления соответствующих правовых, социальных, экономических, политических гарантий их воплощения.

В этом контексте, конечно же, следует различать конституционализм, установленный конституцией как система ценностей и идеальных ориентиров конституционного развития, от реализованного, существующего на деле конституционализма.

Во-вторых, элементами конституционализма, согласно мнению подавляющего большинства ученых, являются: верховенство прав человека, демократия во всех формах ее проявления, разделение и равновесие (сдерживание) властей, верховенство права.

В-третьих, почти все, кто когда-либо затрагивал различные аспекты конституционализма в своих исследованиях, до определенной степени единодушны в том, что эмпирически конституционализм есть результат реализованной, воплощенной в жизнь идеи конституционного государства. Иными словами, это ситуация, при которой идеал, провозглашенный в качестве конституционно значимой цели социального прогресса, становится соответствующей основному закону страны действительностью.

¹⁴ См.: там же. Изд. 2-е. М., 2000. С. 232.

¹⁵ См.: Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М., 2008. С. 44.

¹⁰ См.: Бондарь Н. С. Права человека в теории и практике российского конституционализма // Российский конституционализм: проблемы и решения. М., 1999. С. 200.

¹¹ См.: Нерсесянц В. С. Конституционализм как общегосударственная идеология // Конституционно-правовая реформа в Российской Федерации. Сб. ст. / Отв. ред. Ю. С. Пивоваров. М., 2000. С. 8.

¹² См.: Степанов И. М. Уроки и парадоксы российского конституционализма. М., 1996. С. 3.

¹³ Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 1997. С. 223.

При этом, как отмечалось еще в дореволюционной российской литературе по государственному и юриспруденции, конституционное государство существует лишь тогда, когда государство подчиняется праву, что, в свою очередь, гарантируется участием народа в законотворчестве и равновесием властей: таким образом, конституционное государство выступает практической формой реализации идеи правового государства¹⁶.

Соответственно, в данном аспекте конституционализм, с нашей точки зрения, — это внешняя атрибутивная форма проявления сущности правового государства. Не случайно поэтому в российской юриспруденции дореволюционного периода при рассмотрении вопросов теории конституционализма к признакам, характеризующим конституционное государство, часто относили равноправие граждан и народовластие, наличие гарантированных государством личных прав и свобод¹⁷, парламента, ограничение властей¹⁸.

В-четвертых, конституционализм связан с конституционным порядком, закрепляемым конституцией государства и выступающим основой правового порядка вообще. Ценностная доминанта в данном случае заключается в том, что конституцией устанавливается именно тот аксиологически насыщенный фон, который должен присутствовать в повседневной жизни людей, в их постоянной юридически значимой практике, идеал, который не просто желателен, а настоятельно необходимо воплотить в жизнь.

Хотя, разумеется, в действительности идеала добиться невозможно, а приближение к нему занимает, как правило, долгие годы — если говорить о государствах, эволюционирующих в некоторой переходной фазе.

Думается, что в связи с крайней важностью данного аспекта конституционализма его связь с конституционным порядком требует отдельного рассмотрения.

О взаимосвязи конституционализма и конституционного порядка: формирование аксиологического фона политико-правового режима в государстве

Взаимосвязь конституционализма как явления с установленным основным законом страны конституционным порядком практически не вызывает сомнений: если исходить из того, что

конституционный порядок представляет собой совокупность ценностно проникнутых идей и воззрений, лежащих в основе правопорядка в целом, то конституционализм, по сути, эмпирически представляет собой до определенной степени тождество с правопорядком конституционного государства. В этой связи акад. О. Е. Кутафин отмечал: “Для того чтобы государство в полной мере подчинялось праву, нужны соответствующие гарантии. В своей совокупности они обеспечивают такую форму, такой способ организации государства, который может быть назван конституционным строем.

Следовательно, *конституционный строй — это форма (или способ) организации государства, которая обеспечивает подчинение его праву и характеризует его как конституционное государство*¹⁹.

Именно конституцией устанавливается система конституционно-правовых институтов, наличие и степень действенности которых в реальной жизни общества свидетельствуют о существовании правового, социального, демократического и в конечном счете конституционного государства, а значит, и конституционализма.

При этом, думается, следует согласиться с Н.С. Бондарем в том, что *«господствующие в общественном сознании оценки конституции, уровень конституционной культуры в обществе и государстве, действенность идей конституционализма определяются в своей основе не самим по себе фактом наличия или отсутствия в государстве юридической конституции (основного закона) и даже не ее “возрастом” — есть значительно более важные, глубинные — социокультурные — истоки конституционализма»*²⁰ (курсив наш. — Н.Д.).

По мнению И. А. Кравца, наличие самой конституции предопределяет реальное существование конституционализма во многом, но не во всем: “Хотя конституционализм основывается на конституции, самой конституции как правового акта, по всей вероятности, еще недостаточно, чтобы конституционализм стал фактом действительности”²¹.

Схожие взгляды выражены и многими другими известными учеными-современниками. Например, как полагал акад. Б.Н. Топорнин, “правовая система может существовать без конституции, а конституция без правовой системы — немыслимое

¹⁶ См.: Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. Изд. 2-е. М., 1912. С. 261–265.

¹⁷ См.: Кареев Н. Происхождение современного народно-правового государства. СПб., 1908. С. 5.

¹⁸ См.: Корф С. А. Российское государственное право. Ч. 1. М., 1915. С. 49–53.

¹⁹ Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. Учеб. Изд. 5-е, перераб. и доп. М., 2014. С. 95.

²⁰ Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011. С. 24.

²¹ Кравец И. А. Конституционализм: устойчивость власти и общественного развития. Новосибирск, 1994. С. 9, 10.

явление»²². С. А. Егоров, к примеру, указывает, что «в стране может наличествовать конституция, но может и не быть конституционализма, поскольку последний — это «совокупность таких социально-экономических, политических, правовых, психологических, этических, культурно-исторических и иных условий, при которых конституция функционирует как достаточно эффективный ограничитель государственной власти». Там, где конституционализм является определяющей чертой политического режима, конституция первична — она как бы «предшествует» государственной власти, а лица, которые находятся у власти, связаны ее положениями как нормами верховного права»²³.

Следовательно, *конституционализм* (особенно, если принять во внимание опыт Великобритании и ряда других развитых государств, где отсутствует писаная конституция в виде единого документа с соответствующим названием) *может существовать без конституции, но конституция без конституционализма лишена всякого смысла*.

Поэтому представляется очевидным, что наличие конституции не определяет само по себе суть конституционализма и его качественный уровень. Если сейчас в Российской Федерации по-прежнему (спустя более двух десятилетий после принятия действующей Конституции) определенные ее положения так и остаются нереализованными, то главные причины подобного положения дел следует искать вовсе не в тексте Основного Закона страны.

По нашему убеждению, сегодня главная задача состоит в том, чтобы глубоко и продуманно с учетом исторической судьбы и культурно-цивилизационных особенностей российского общества в достаточной степени развить те базовые ценности Конституции, которые являются фундаментом общественного согласия и солидарности (принцип приоритета прав человека, принцип разделения властей, равенство всех перед законом и судом и т.д.).

Потому тем, кто активно отстаивает позицию о необходимости переписать российскую Конституцию, применив так называемый принцип *tabula rasa*, следует вначале тщательно подумать о полноценной реализации ее правового потенциала, который, как справедливо отмечает проф. В. Д. Зорькин, «во многом зависит от того, насколько верно будет определен баланс между стабилизационной и обновленческой функциями Конституции. В конечном сче-

те это вопрос о разумных и эффективных пределах, формах и способах адаптации высоких образцов современного конституционализма к очень сложным реалиям нашей российской жизни»²⁴.

Важно обратить внимание на то, что ст. 2 Конституции РФ содержит ключевое суждение о правовых ценностях современной России: человек, его права и свободы признаны высшей ценностью. В этой норме, таким образом, закрепляется главный аксиологический «*стержень*» действующего Основного Закона страны; но в этой же норме содержится и интуитивно ощущаемый призыв к каждому — призыв об интерпретации с этих позиций всех без исключения правовых явлений общественной жизни, что, безусловно, придает и соответствующий аксиологически насыщенный фон российскому праву в целом.

С учетом современного этапа развития человеческой цивилизации основная характеристика современного конституционализма, тем самым, заключается в том, чтобы высший Закон страны наиболее полно отражал систему фундаментальных ценностей гражданского общества и на практике гарантировал их устойчивость, надежную правовую защиту и воспроизводство.

В то же время очевидно, что конституция любого современного государства должна воплощать эту ценностную систему с учетом объективных особенностей конкретного исторического этапа в развитии общества, являться результатом общественного согласия вокруг основополагающих аксиологических доминант социального поведения как государства, так и личности.

Таким образом, по нашему глубокому убеждению, конституционализм — это не утопическое восприятие некоторых идей, обуславливающих необходимость конституционного регулирования общественных отношений. Конституционализм логичнее трактовать как проявление определенной конституционной культуры, адекватной осмыслению бытия данного социума, это системное и осознанное наличие в реальной общественной жизни конституционных ценностей, на которых базируется вся правовая система, это фундаментальный принцип, пользуясь выражением В. Д. Зорькина, цивилизации права.

²² *Топорнин Б. Н.* Конституционная реформа — путь к правовому государству // Сов. гос. и право. 1990. № 4. С. 4.

²³ *Егоров С. А.* Конституционализм в США: политико-правовые аспекты. М., 1993. С. 9, 10.

²⁴ *Зорькин В. Д.* Проблемы конституционно-правового развития России (К 20-летию Конституции Российской Федерации) // Современный конституционализм: вызовы и перспективы. Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию Конституции РФ (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2013 г.) / Отв. ред. В. Д. Зорькин. М., 2014. С. 6–8.

Однако главное, что следует здесь учитывать, состоит в том, что конституционные ценности провозглашаются как имеющие высшую степень общественной важности, но за этой важной стадией провозглашения и закрепления конституционных ценностей наступает не менее значимая: конституционные идеи должны быть воплощены в жизнь, в практику общественного и государственного строительства. При этом необходимо иметь в виду, что обычно конституция закрепляет минимум, а остальное — это удел практики, в том числе и практики нормативно-правового регулирования, и опыта конституционной герменевтики. Иными словами, далее наступает стадия, когда происходит своего рода “*состязание*” конституционных идей, конкуренция подходов в их интерпретации и в конкретных социо-нормативных способах их воплощения на подконституционном уровне нормотворчества²⁵.

Возникает оправданный вопрос: кто конкретно должен заниматься реализацией конституционных идей? Понятно, что ответ на него во многом зависит от качеств политико-правового режима в государстве.

В этой связи целесообразно уделить данной проблеме более пристальное внимание.

О субъекте реализации конституционных идей и ценностей: к вопросу о современном понимании демократии

В первом приближении бесспорно то, что у процесса воплощения в жизнь конституционных идей и ценностей присутствует двойственное активное начало: с одной стороны, народ, который посредством прямой демократии участвует в политической жизни государства, а с другой — органы публичной власти, реализующие эту самую власть в своей повседневной деятельности.

Как справедливо отмечает С. А. Авакьян, «в истории конституционного нормотворчества можно наблюдать три метаморфозы относительно “власти народа”. Первая состоит в ее “идеализации”: закрепляем полноту власти за народом и верим в то, что он в состоянии ее осуществлять. Вторая — это своего рода “идеализм”, довольно быстро переходящий в идеологическое лицемерие: вполне понимаем, что народ не в состоянии осуществлять власть — это делают органы, и в лучшем случае главные из них формирует народ. Третья представляет собой некий гибрид: полагаем, что народ не в состоянии осуществлять власть, да и нельзя ему власть

верить, но “обижать” народ не хочется, поэтому провозглашаем, что власть принадлежит народу, но тут же добавляем — он ее осуществляет “в лице” своих органов»²⁶.

Гармония в отношениях народа и органов публичной власти возможна при любом из названных вариантов, если народ доверяет сформированным им органам. К сожалению, не редкость и иной вид “*гармонии*”, когда появляется отчуждение народа от власти, компенсируемое в различной степени принуждением его со стороны представителей этой власти участвовать в делах государства, пусть даже и происходящем демократическим путем — посредством выборов. То есть наступает ситуация, с одной стороны, идеологической обработки, а с другой — административного и часто негласного принуждения в отношении населения.

Полагаем, именно это обстоятельство, по всей видимости, дало основание С. А. Авакьяну утверждать: «Порядок формирования органов власти упрощается до такой степени, что “народные” избранники уже не зависят от народа. В результате народное представительство как составная часть конституционализма разбивается о политические рифы, как морская волна прибоя, налетевшая на бетонные укрепления, и затем отступает в бессилии и разочаровании».

В результате нельзя не согласиться с тем, когда он отмечает, что именно из «понимания возможности появления таких “любителей” править странами, людьми и родилась известная идея конституционализма о естественном праве народа на сопротивление правителям, ввергающим в пучину бед своих сограждан: причем к этому стоило бы добавить и право на свержение таких правителей. Данный тезис не утратил актуальности и в наши дни, а все разглагольствования о том, что “нам не надо ни революций, ни контрреволюций”, разбиваются о простую истину: не справился, дискредитировал себя — уходи сам, не доводи народ до гнева»²⁷.

Как же обеспечить рациональные сбалансированные взаимоотношения между народом и теми, кто является олицетворением власти? Как сделать так, чтобы конституционализм, смоделированный в нормах конституции государства, стал жизнью, содержанием правовых норм, продолжающих основной закон страны, способствовал диалогу и доверию между властью и народом, властью и обществом, подлинно составлял смысл деятельности органов публичной власти, граждан и их объединений?

²⁵ См.: Авакьян С. А. Конституционализм и бюрократизация власти. С. 62.

²⁶ Там же. С. 62.

²⁷ Там же. С. 63.

Считаем важным и уместным, размышляя над сформулированными вопросами, вновь обратиться к соответствующим воззрениям С. А. Авакьяна. «Любой ветви власти — законодательной, исполнительной, судебной — неизбежно грозит со временем бюрократизация. Ее проявления заключаются в следующем: забота о себе и расширение своих льгот; увеличение круга своих прав, с одной стороны, и стремление сбросить “грудные” полномочия на чужие плечи — с другой; попытка уйти от ответственности перед другими органами и тем более народом... В итоге, какие бы прекрасные ни были идеи конституции, пришедшие к власти депутаты и чиновники создадут свой “конституционализм”. Его основные проявления будут состоять в том, чтобы законодательный орган власти наполнить депутатами, которых быстро могут сделать послушными, “карманными”, чтобы аппарат исполнительных органов пополнялся себе подобными, претендент на должность уже на стадии приема на работу был готов стать частью корпоративного сообщества, чьи интересы выше чаяний простых людей... для двух этих категорий будет совсем неплохо, если в судьи придут слабые профессионально люди...»²⁸.

В целом С. А. Авакьян весьма саркастически оценивает тезис о том, что “современные государства все более и более становятся заботливыми по отношению к личности, что такова миссия государства”. Он пишет: «Думается, все дело в том, что надо или идти навстречу простым людям, или они перевернут мир своими бунтарскими выступлениями. Чтобы этого не произошло, как раз и рождается некий компромисс: богатство через государство помогает удовлетворению социальных нужд простых людей, а опять же государство вкупе с обществом так организует жизнь людей, чтобы они вели себя умеренно... Каждый субъект процесса не должен “перегибать палку”. Тогда и бюрократия сохранит свои позиции и “питательную среду” в государственном кармане, и идеи конституционализма будут проявляться в обществе — в относительной многопартийности, свободе слова, манифестаций и т.д.»²⁹.

Проблема субъекта реализации конституционных идей и ценностей сводится, таким образом, не просто к применению конституции, а к формированию той социальной среды, в которой аксиологически насыщенный смысл основного закона воплощается каждым элементом этой системы как неперемное условие ее существования. Это, пожалуй, единственная прошедшая испытание столетиями гарантия реализации конституционного

порядка и стабильного развития общества на основе социального консенсуса и доверия.

Сказанное означает, что для конституционализма крайне важно, чтобы конституция как основной правовой акт государства поддерживалась всем строем общественной и государственной жизни. Конституционализм будет иметь успех лишь постольку и тогда, поскольку и когда он помогает развитию личности, созиданию свободного и ответственного общества.

Отсюда чрезвычайно настоятельной является необходимость оценки формальных положений действующей Конституции РФ в контексте основных черт наличного политико-правового режима нашего современного государства.

О соотношении формальной модели современного российского конституционализма и политико-правового режима осуществления публичной власти

Результаты изучения современными учеными текста российской Конституции, осуществлявшегося в самых разных аспектах, убеждают нас в том, что формально такие идеалы, как правовое государство, свобода, общественное согласие, народовластие, верховенство права, разделение властей, толерантность, равенство, плюрализм и другие общепризнанные ценности в их органическом единстве стали основой юридической модели современного российского конституционализма. Но справедливо одновременно и другое: социальная действительность в России, увы, оказалась в ином правовом измерении.

В огромной череде жизненных ситуаций можно наблюдать, что самодостаточность российской Конституции, несмотря на ее прямое действие, обеспечена далеко не в полной мере, *имеет место существенный смысловой разрыв между основополагающими конституционными ценностями и социальной действительностью.*

Характерными чертами этой действительности продолжают оставаться низкий уровень конституционной культуры, системная неполноценность механизмов обеспечения верховенства права, отсутствие единого ценностно-систематизированного понимания ориентиров и приоритетов общественного развития, наличие внутренне противоречивой системы законодательства и практики его применения, целый ряд не утративших остроты со времен начала 1990-х годов социально-экономических проблем.

Не приходится сомневаться, почему сверхзадачей для страны была и остается гармонизация реалий общественной жизни с конституционными

²⁸ Там же. С. 64.

²⁹ Там же. С. 65.

нормами и принципами, основанными на обеспечении верховенства права.

С. С. Алексеев в одной из своих работ констатировал, что “у человечества нет иного пути и иного способа решения глобальных проблем и трудностей, грозящих тяжкими последствиями для человеческого рода, как поставить в самый центр жизни людей современное право”³⁰.

Схожую мысль в последнее время выражают всё большее число ученых-юристов; в частности, в одной из последних монографий В. Д. Зорькин, размышляя о судьбах России, формулирует такое суждение: “Без правовой модернизации у России нет будущего”³¹. Сложно с этим поспорить. Да и имеются ли здесь основания для дискуссии?

Конституционализм как и право в целом есть не что иное, как объективная реальность, проявление сущности социума, имеющего созидательный внутренний потенциал для динамичного и стабильного развития. Весьма точным в этой связи видится мнение Председателя Конституционного Суда Республики Армения Г. Г. Арутюняна, который указывает, что в “*правовом государстве проявления права как сущности и как явления характеризуются именно соответствующим уровнем конституционализма...* Конституционализм как фундаментальный принцип права на определенном уровне развития общества приобретает системообразующий и универсальный характер правовой регуляции, выражает и конкретизирует правовое содержание гарантирования и обеспечения верховенства права и непосредственное действие прав человека, выступает критерием правомерности поведения правосубъектов, является исходным началом правотворческой и правоприменительной деятельности, результатом исторического развития данного общества”³².

Следует помнить, что истинный конституционализм присущ таким социальным системам, которые достигли определенного признания и гарантирования социальных прав и свобод, общественного согласия на основе соответствующей системы социокультурных ценностей; конституционализм должен опираться на эти, причем вполне определенные,

ценности как неотъемлемую часть и правосознания отдельной личности, и правовой культуры в целом.

На протяжении последних 20 лет добрая дюжина политологов, социологов и юристов упражнялась в попытках определить форму российского политического режима. В науке конституционного права практически не встречаются определения того, какого рода политический режим создан сегодня в Российской Федерации, а те, что сформулированы и высказаны, едва ли могут служить демонстрацией академического единодушия.

Так, например, М. В. Баглай определяет его как политический централизм³³, В. С. Нерсисянц — как сочетание элементов авторитаризма с либерализмом³⁴, а в 1990-е годы весьма популярен был подход, заключающийся в определении его в качестве переходного (транзитивного)³⁵. Однако в целом российские конституционалисты чаще всего уклоняются от определения того, к какому типу следует отнести современный российский политико-правовой режим, но при этом все чаще констатируют, что элементы авторитаризма в нем все же присутствуют.

Впрочем наличие таких элементов, по всей видимости, следует считать закономерным в контексте исторической преемственности в эволюции государств и обществ. В этом отношении довольно характерной является следующая точка зрения: “Особенность переходного периода в России состоит в сложном сочетании демократических и авторитарных тенденций. В рамках демократической тенденции развития политического режима находятся положения Конституции Российской Федерации о высшей ценности человека, его правах и свободах (ст. 2), о разделении властей (ст. 10), о прямом действии Конституции (ст. 15), об идеологическом плюрализме (ст. 13) и др. Однако реализация этих принципов затруднена или невозможна, что говорит о сохранении авторитарных черт политического режима”³⁶.

Как было показано выше, **конституционализм — комплексная категория, которую нельзя рассматривать в отрыве от политико-правового режима.**

³⁰ Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 710.

³¹ Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России. М., 2015. С. 69.

³² Арутюнян Г. Г. Современный конституционализм: парадигмы реальности и вызовы // Современный конституционализм: вызовы и перспективы. Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию Конституции РФ (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2013 г.) / Отв. ред. В. Д. Зорькин. С. 28.

³³ См.: Баглай М. В. Конституционализм и политическая система в современной России // Журнал рос. права. 2003. № 11. С. 17.

³⁴ См.: Нерсисянц В. С. Общая теория государства и права. М., 1999. С. 256.

³⁵ См., например: Киреева С. А. Политический режим как элемент формы государства (Теоретико-правовое исследование). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1997. С. 20.

³⁶ Лугина О. А. Преемственность элементов российской правовой системы и проблемы конституционно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 11. С. 4.

В противном случае явления формального конституционализма так и останутся в нашей стране “*нормой жизни*”, что может стать прологом последствий, весьма обстоятельно охарактеризованных В. Д. Зорькиным на примере Веймарской Республики: “В этой Республике формально все отвечало демократическому идеалу политического устройства. Но именно формально. Республика была учреждена по итогам поражения Германии в Первой мировой войне. Она испила горькую чашу аннексий и контрибуций. Национальное унижение было огромно. Экономическое поражение — чудовищно. Возник колоссальный разрыв между идеальной демократической формой и тем реальным содержанием, которое эта форма должна была в себе разместить. Спекуляция, безработица, отсутствие реального опыта политической демократии, разгул преступности, тяга определенных групп к охаиванию всего немецкого исторического опыта... Все это вместе и есть Веймарская Республика. Именно специфика ее устройства, специфика несовпадений между юридической формой и реальным социальным, культурным, экономическим и политическим содержанием породила нацизм... Конституционные нормы не должны вступать в жесткое противоречие с реальностью — вот в чем опыт Веймарской Германии”³⁷.

Сегодня в России мы с тревогой наблюдаем явный аксиологический разрыв между конституционными установлениями и реальной жизнью; разрыв, который становится фактором демонтажа подлинного конституционализма, тормозом его поступательного эволюционного развития; такой разрыв уже не представляется возможным нивелировать лишь за счет наращивания массива соответствующего законодательства и правоприменительной практики. Пришло время решительных действий. Промедление чревато малопрогнозируемыми последствиями для судеб государства.

Более 20 лет, прошедших после принятия российской Конституции, — это уже достаточно зрелый “*возраст*” конституционно-правового развития, и он требует осмысления и всесторонней оценки достигнутого, а также соответствующей реакции на вызовы времени. Никто не может отрицать наличия положительных результатов социальных трансформаций, произошедших в стране в указанный период. И эти результаты, несомненно, имеют непреходящее историческое значение.

Однако следует сделать акцент на основных причинах имеющих место кризисных проявлений в конституционно-правовой сфере, которые приобретают системное значение и преодоление которых с учетом фундаментальных ценностей конституционной

культуры нового тысячелетия есть неотложная необходимость.

Важным является понимание того обстоятельства, что деформация конституционализма становится главным фактором нестабильности и социальных катаклизмов.

Любая деформация конституционализма — это искажение основополагающих конституционных ценностей в обществе, отход от всеобщего согласия, однажды достигнутого в отношении системы социокультурных аксиологических доминант.

Крайнюю опасность представляет тотальная олигархизация власти, приводящая к сращиванию политических, административных и экономических сил и искажению принципа разделения властей.

Так, Г. Г. Арутюнян отмечает, что «“корпоративная демократия” (олигархизация всех ветвей власти) более опасна для общественной системы, чем тоталитарная система, которая имеет свои определенные правила, несмотря на то что по своей сути также носит иррациональный характер. Однако последняя не построена на искаженных в общественной практике конституционных ценностях. Основная угроза корпоративной демократии заключается именно в том, что демократические ценности последовательно деформируются и впоследствии мутируют, теряют значение, становятся для общества не только неприемлемыми, но и опасными». В таких условиях индивид выступает не как “договорной субъект со своими естественными правами, а как зависящее от воли и подаяния работодателя средство производства”. Далее ученый справедливо подчеркивает: “Это качество, характерное для феодальных общественных отношений, приобретает новую форму и окраску в демократической упаковке в условиях квазиконституционализма”³⁸.

Одной из наибольших опасностей “*корпоративной демократии*” является также то, что ценности, попавшие под воздействие мутации, становятся воспроизводимыми и с определенной долей прогресса исключают восстановление жизнеспособности системы естественным путем, а истинные ценности становятся не востребуемыми. “Тотальная олигархизация властей приводит к тотальной криминализации социальной системы, особенно в тех случаях, когда самыми богатыми людьми в государстве становятся высшие государственные чины и политическая элита посредством теневых отношений с бизнес-средой”³⁹.

Недопущение олигархизации легче, чем ее преодоление. Последнее требует огромных усилий, времени и серьезной реставрации деградировавших

³⁷ Зорькин В. Д. Кризис доверия и государство // Росс. газ. 2009. 10 апр.

³⁸ Арутюнян Г. Г. Указ. соч. С. 33.

³⁹ Там же.

реалий. Для предотвращения олигархизации необходима последовательность в конституционализации общественных отношений, в том числе и путем преодоления коллизий между конституцией страны и правоприменительной практикой в целом.

Основной путь очевиден, и он известен — *обеспечение реального разделения властей, исключение слияния политических, экономических и административных сил в обществе, создание необходимых предпосылок для естественного становления и развития политических структур гражданского общества*. Кроме того, важно отметить, что необходимы единообразное понимание конституционных идей, принципов конституционного порядка, действенная система защиты конституции страны от “вольных” интерпретаций или, что бывает чаще всего, полного пренебрежения.

С великим сожалением мы констатируем, что в последние несколько десятилетий многие главные понятия, лежащие в основании конституционного порядка, такие как “демократия”, “права человека”, “правовое государство” и др., подверглись существенной смысловой дисторсии и даже компротации: крайне сложно теперь установить их истинный смысл.

Похожая ситуация лишь несколько лет спустя после Октябрьской революции 1917 г. была довольно точно описана М. А. Рейснером, являвшегося, как ни парадоксально в контексте нижеследующего суждения, одним из первых идеологов советского государственоведения: “Конституции во время войны за полной своей ненадобностью настолько основательно были сданы на хранение, что и теперь по ее окончании никак не могут прийти в силу. Военное положение заменило их с большим успехом и после войны. Закон уступил место приказам и распоряжениям бесчисленных диктаторов, установленных законом же, так что закон отменил самого себя. Из пресловутого разделения властей вылупилась одна всемогущая исполнительная власть, которая поработила все прочее... И нельзя в достаточной мере оценить тот моральный и юридический переворот, который произошел благодаря такому полному разрушению старых фикций и верований. Все, что было освящено длительной привычкой и твердым обычаем, во что верили как в нерушимую норму и правило, все полетело вверх ногами, все оказалось вздорной выдумкой и ненужным стеснением”⁴⁰.

Таким образом, становится очевидно, что характер взаимосвязи конституционализма и политико-правового режима в государстве побуждает в контексте имеющихся в сегодняшней России

политико-правовых реалий сосредоточить самое пристальное внимание в первую очередь на поиске путей преодоления того самого, отмеченного выше разрыва между формально провозглашенными конституционными ценностями и идеями и реально сложившейся в последние два десятилетия общественной практикой.

Подчеркнем, что этот поиск и есть самая сложная и центральная проблема всей правовой модернизации современной России.

***О путях преодоления дистанции между
формальной моделью российского
конституционализма и наличной политико-
правовой практикой в государстве***

Все вышеизложенное лишь дополнительно утверждает нас во мнении о том, что современный российский конституционализм по ряду ключевых признаков в полном смысле конституционализмом пока не является, несмотря на декларирование уважения к Основному Закону страны и нарочито подчеркнутый либерально-демократический характер официальной риторики.

Следует признать, что проблемы укрепления конституционализма довольно активно ставятся и обсуждаются и в академической среде, и политиками, однако практической пользы от таких обсуждений не особенно заметно. В то же время, безусловно, смысл в таких обсуждениях имеется, и заключается он прежде всего в адекватной оценке “узких мест” в реализации аксиологических доминант действующей российской Конституции.

Вместе с тем необходимо особо обратить внимание на то, что у довольно обширной части населения на протяжении ряда лет ощутимо снижается уровень доверия к власти. Почему?

Например, проф. С. А. Авакьян называет ряд причин, с которыми едва ли возможно не согласиться:

во-первых, государство в лице своих органов не вполне удовлетворительно выполняет свои задачи. «Годы потери мощи государства, откровенная ориентация на ввоз товаров из-за рубежа вместо своего производства, концентрация экспорта на вывозе энергоресурсов, вложение заработанных на этом денег в зарубежные ценные бумаги, в результате чего страна оказалась на чужом крючке, особенно после вступления в ВТО, существенная утрата под влиянием западных “ценностей” патриотической составляющей в нашей государственности привели к печальным результатам. Нами стали помыкать, стараются сделать все более зависимыми от внешних факторов. Стремление нашего Президента отстаивать самостоятельность государства, полностью одобряемое народом, ведет к откровенным хотя и не вооруженным, но вполне агрессивным

⁴⁰ Рейснер М. А. Государство буржуазии и РСФСР. М.; Пг., 1923. С. 221, 222.

действиям против России... К тому же и социальные задачи государство реализует не лучшим способом. Процветает коррупция. У граждан нет уверенности, что их личная жизнь находится в безопасности, а персональные данные составляют тайну, правоохранительным органам мало кто верит»⁴¹;

во-вторых, неуклонно возрастает бюрократизация государства и его систем. Профессиональное чиновничество «неуклонно заменяется в России формированием касты управляющих — не всегда (мягко говоря) компетентных, но неуклонно остающихся у власти, только лишь перемещающихся из одного кресла на другое. Реально вновь возрождено то, что в советский период называли *номенклатурой*, иначе говоря, одни и те же люди беспрестанно крутятся в карусели, именуемой властью»⁴²;

в-третьих, так называемая «*приватизация*» государства, сводящаяся к весьма линейной «философии»: «долго пользоваться благами власти и отдавать в частные руки то, что по праву, через государство, принадлежит всему народу»⁴³.

К сожалению, результаты анализа практики современного российского конституционализма неутешительны: текущая ситуация в конституционно-правовой сфере характеризуется лишь фрагментарным воплощением конституционных ценностей и идей, что отнюдь не может являться поводом для успокоения — велик риск впасть в крайности правового идеализма. Это мнение поддерживают многие современные конституционалисты.

Так, М. В. Глигич-Золотарева отмечает: «Сегодня, как, впрочем, и в начале XX века, наблюдается сводная по своим признакам и последствиям эрозия основных дефиниций публичного права..., системный кризис традиционных государственных институций, в корне которого лежит несоответствие «трех китов» современного общества и государства — демократии, парламентаризма и разделения властей — реалиям интенсивно меняющегося мира»⁴⁴.

К глубокому огорчению такая реальность — в первую очередь результат системного нарушения конституционного баланса в общественной практике: его следует безотлагательно начать восстанавливать. Ибо очевидность наличия системного дефицита конституционализма в реальной жизни означает не что иное, как фактически не обеспечиваемое верховенство основного закона государства.

То, что делается сегодня в данном направлении Конституционным Судом РФ и немногочисленными фактически работающими конституционными (уставными) судами субъектов Федерации, все же во многом имеет дискретный характер, что связано с конкретикой конституционного нормоконтроля и конституционной герменевтики, а потому может иметь лишь фрагментарные эффекты: «не обеспечивает необходимой последовательности и системной непрерывности в выявлении, оценке и восстановлении нарушенного конституционного баланса в обществе, обеспечении конституционализма в соответствии с конституционной культурой нового тысячелетия»⁴⁵.

На наш взгляд, в контексте данного вывода призывы «начать все с чистого листа», переписать Конституцию страны, поступить по принципу *tabula rasa* не выдерживают никакой критики.

Если говорить об исторических мерках, то, условно, прав В. Д. Зорькин, когда утверждает, что в любом случае «нам придется восстанавливать право. Причем именно на общечеловеческом уровне (курсив наш. — Н.Д.). И вот когда мы вернемся к построению права как одной из основ подлинно человеческого бытия, мы обязательно должны будем задаться вопросом, а не находится ли в основе основ нынешнего бесправия принцип табула раса, не лежит ли в его основе какая-то ужасная теоретическая ошибка, породившая перерождение современной западной цивилизации? Или по крайней мере поспособствовавшая этому перерождению?»⁴⁶.

Вот почему в современном подконституционном правотворчестве мы должны еще до принятия тех или иных нормативных решений внимательно исследовать реальные общечеловеческие ценности и потребности. Взять для примера хотя бы решение Президента РФ об уничтожении продуктов, ввоз которых на территорию страны запрещен в рамках ответных российских санкций на действия иностранных государств⁴⁷: решение — правильное, но только с точки зрения наказания контрабандистов, стремящихся всяческими путями, преследуя собственные корыстные интересы, подрывать целостность российской государственной политики и последовательность в позиционировании страны в международном пространстве. Но почему же эти продукты попросту не изъять в месте их выявления и не распределить в пользу малообеспеченных

⁴¹ Авакьян С. А. Российский конституционализм: несколько тезисов о неотложных задачах // Юрид. мир. 2015. № 2. С. 23.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 24.

⁴⁴ Глигич-Золотарева М. В. Верификация дефиниций конституционной науки vs. «увлечение общими местами» // Политика и Общество. 2009. № 5. С. 4.

⁴⁵ Арутюнян Г. Г. Указ. соч. С. 28.

⁴⁶ Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России. С. 188.

⁴⁷ См.: Указ Президента РФ «Об отдельных специальных экономических мерах, применяемых в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» от 29 июля 2015 г. // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://www.pravo.gov.ru>; 30.07.2015.

граждан, детдомовцев, многодетных матерей, оставшихся без поддержки кормильца, и т.д., просто “накормить” их? Особенно если учесть, что индекс потребительской инфляции ощутимо сказался даже на обеспеченных россиянах, а размеры социальных выплат на величину этого индекса отнюдь не повысились. Принять во внимание следует и то, что уничтожение продуктовой контрабанды потребует соответствующих бюджетных трат, тогда как распределение этих продуктов в пользу нуждающихся могло бы осуществляться общественными организациями на добровольческой основе. Думается, что в данном контексте инициатива населения, направленная на побуждение Президента страны уточнить свою позицию по вопросу об уничтожении ввезенной в Россию продукции, подпадающей под действие так называемых “антисанкций”⁴⁸, вполне могла бы быть поддержана.

Мы уверены: на пути преодоления разрыва между формально закрепленной моделью российского конституционализма и наличным политико-правовым режимом в государстве необходимо бережно учитывать и использовать сохранившиеся в российском обществе неписанные нормы моральной регуляции, которые вполне способны реально восполнить все еще недостаточную эффективность законодательного нормирования — в правовом государстве любая норма права должна проявляться как элемент конституционно согласованной системы правового и нравственного поведения человека и власти.

Как отмечает С. А. Авакьян, “в нашем конституционном фундаменте не отражена еще одна очень важная составляющая — *долг каждого из нас перед государством, обществом, окружающим миром*”⁴⁹. После принятия в 1993 г. Конституции РФ многое в общественно-политической жизни стало чрезмерно фокусироваться вокруг положений ст. 2: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства»... Однако есть ведь и ответные слова, которые следует адресовать индивиду. Их немного, но какие же они емкие: *ответственность, обязанности, патриотизм*»⁵⁰.

Таким образом, вне сомнения, парадигма российского конституционализма предполагает и уси-

ление аксиологической роли таких постулатов, как *гражданство обязывает, собственность обязывает, совесть обязывает*.

Эпилог

С учетом результатов проведенного исследования полагаем, что конституционализм необходимо воспринимать не только и не столько как *один из принципов конституционного права*, а более широко — как *фундаментальный и реально действующий принцип правовой регуляции жизни современного общества*. Конституционализм определяет суть взаимосогласованного поведения членов социума, характер осмысленного существования государств и наций во времени, уровень зрелости общественных отношений и качества их правового регулирования. Конституционализм — в первую очередь идеал цивилизованного саморегулирования, к чему и должно стремиться наше государство.

Однако при всех отмеченных выше проблемах и системном дисбалансе современного российского конституционализма причины такого положения дел не следует искать лишь в самой Конституции.

Всецело разделяем позицию проф. В. Д. Зорькина, который отмечает, что недостатки действующей Конституции РФ не умаляют ее выдающихся достоинств: “Конституция предотвратила срыв России в анархию и хаос, предъявив стране новые фундаментальные правила жизни. Конституция, безусловно, сыграла огромную роль в сохранении целостности Российского государства. Конституция четко и недвусмысленно определила демократические и правовые приоритеты развития России. Конституция обозначила главные нормативные рамки для общественного согласия и тем самым стала важнейшим фактором социально-правовой стабильности. Конституция, наконец, обеспечила достойное вхождение России в европейское и мировое правовое пространство”⁵¹.

У нас нет даже малейших сомнений в том, что в обозначенном контексте *долгий и невероятно тернистый путь преодоления разрыва между формально провозглашенными конституционными ценностями и их реальным воплощением* — дело выстраивания аксиологически адекватного политико-правового режима в стране, который в силу самих своих ценностных оснований, прочно коренящихся в нравственных и моральных устоях российского народа, *явно станет полноценной гарантией защиты конституционного строя современной России*.

⁵¹ Зорькин В. Д. Проблемы конституционно-правового развития России. С. 5.

⁴⁸ Куандыкова Ж. Петицию против уничтожения продуктов подписали 150 тыс. человек // <http://top.rbc.ru/politics/05/08/2015/55c1d04f9a7947779d104a45>

⁴⁹ Авакьян С. А. Российский конституционализм: несколько тезисов о неотложных задачах. С. 28, 29.

⁵⁰ Там же. С. 29.